

Г. И. Узембаева

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

В 2014 г. уголовно-правовые нормы об ответственности за призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) были дополнены указанием на такой альтернативный способ их совершения, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Этот же способ, наряду с использованием средств массовой информации или электронных сетей, в 2013 г. был включен в качестве квалифицирующего признака в новую статью УК РФ об ответственности за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 2801 УК РФ).

Совершение преступления экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, является типичным и существенным признаком ряда деяний экстремистской направленности, повышающим степень их общественной опасности, что необходимо учесть при законодательном отражении соответствующих составов преступлений. То есть использование таких сетей целесообразно отнести к квалифицирующим признакам всех выделенных составов преступлений. При этом данный квалифицирующий признак следует изложить единообразно, с использованием одних и тех же терминов и единственного числа для их обозначения в тексте уголовного закона.

Ключевые слова: вражда, информационно-телекоммуникационные сети, ненависть, общественная опасность, преступления экстремистской направленности, сеть Интернет, средства массовой информации.

G. I. Uzembayeva

PUBLIC DANGER OF THE CRIMES OF AN EXTREMIST ORIENTATION COMMITTED WITH USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

In 2014 criminal precepts of law about responsibility for appeals to implementation to extremist activity (Art. 280 of the criminal code of Russian Federation) and excitement of hatred or hostility, and is equal humiliation of human dignity (Art. 282 of the criminal code of Russian Federation) were added with the instruction for such alternative way of their commission as use of information and telecommunication networks, including the Internet networks. The same way, along with use of mass media or electronic networks, in 2013 was included as the qualifying sign in the new article of the Criminal Code of the Russian Federation on responsibility for public appeals to commission of the actions directed on violation of territorial integrity of the Russian Federation (Art. 2801 of the criminal code of Russian Federation).

Commission of crime of an extremist orientation with use of information and telecommunication networks, including the Internet network, is the typical and essential sign of a number of acts of an extremist orientation raising degree of their public danger that it is necessary to consider at legislative reflection of the relevant structures of crimes. That is it is expedient to refer use of such networks to the qualifying signs of all allocated structures of crimes. Thus this qualifying sign should be stated uniformly, with use of the same terms and singular for their designation in the text of the criminal law.

Keywords: hostility, information and telecommunication networks, hatred, public danger, crimes of an extremist orientation, Internet network, mass media.

Общественная опасность является универсальной категорией уголовного права, позволяющей выделить преступления из всей совокупности различных правонарушений, подразделить их на определенные категории и

дифференцировать уголовную ответственность с учетом различий в характере и степени их опасности для социума. В теории уголовного права общественную опасность рассматривают в качестве одного из основных критериев

(принципов) криминализации деяния. В частности, на необходимость установления общественной опасности деяния для решения вопроса о его криминализации указывал Ю. И. Ляпунов, разъяснявший, что при этом в качестве объекта познания и оценки выступает материальное свойство, антисоциальная направленность и вредоносная сущность человеческого поведения определенного рода или вида, изначально заключающего в себе опасность причинения вреда (ущерба) правоохраняемым благам [1, с. 54]. Добавим, что изменения в характере и (или) степени общественной опасности различных проявлений одного того же преступления служат основанием для выделения не только конститутивных, но еще и привилегирующих, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков его состава.

К сожалению, экстремистские настроения продолжают оставаться долговременным фактором современной политической жизни [2]. Практически во всех субъектах Российской Федерации, население которых традиционно исповедует ислам, действуют законспирированные ячейки экстремистских организаций, пропагандирующие идеи радикального ислама и ведущие агитацию к противостоянию с действующими институтами власти [3]. Финансовая подпитка и идейное вдохновение таких организаций все чаще осуществляются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [4]. Полагаем, что это обстоятельство значительно повышает уровень общественной опасности преступлений экстремистской направленности.

В теории уголовного права отмечается, что признаками состава преступления в уголовном законе признают те, которые являются для него типичными и существенными, а также отражающими общественную опасность соответствующего деяния [5]. Поэтому при дополнении статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации каким-либо новым признаком, характеризующим тот или иной элемент конкретного состава преступлений, следует выяснить, является ли данный признак повторяющимся и отражающим его сущность, а также определить, не указывает ли он на повышение или снижение общественной опасности того или иного деяния.

В настоящей статье мы остановимся на дополнении статей Особенной части УК РФ об ответственности за некоторые преступления экстремистской направленности таким

объективным признаком, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет.

Генезис общественных отношений, в т. ч. появление и стремительное развитие информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети Интернет, используется не только в благих целях, но и для совершения различных преступлений и иных правонарушений. Не исключением являются и преступления экстремистской направленности, совершаемые на основе ненависти либо вражды виновных лиц, демонстрирующих и распространяющих соответствующие низменные мотивы и цели в обществе [6]. При этом с неизбежностью возникает вопрос о соотношении степени общественной опасности новых и устоявшихся способов совершения преступлений, в т. ч. о необходимости дополнения соответствующих уголовно-правовых норм указанием на использование виновными информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет [7]. При этом важно правильно ответить и на вопрос о месте такого признака в структуре уже существующих и новых уголовно-правовых запретов: включить ли таковой в объективную сторону основного либо квалифицированного состава преступления.

Федеральным законом № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8, с. 416] уголовно-правовые нормы об ответственности за призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) были дополнены указанием на такой альтернативный способ их совершения, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет. Этот же способ, наряду с использованием средств массовой информации или электронных сетей, был включен в качестве квалифицирующего признака в новую статью УК РФ об ответственности за публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ) [9, с. 90—91].

Отметим, что само по себе включение нового способа совершения данных преступлений в содержание ст. 280, 280¹ и 282 УК РФ не вызывает сомнений в его обоснованности. Однако относительно оценки общественной опасности и

отражения такого способа в уголовном законе у нас имеются некоторые замечания.

Во-первых, считаем, что использование информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, повышает степень общественной опасности указанных преступлений и подлежит отнесению к числу квалифицирующих признаков последних, наряду с использованием средств массовой информации. Это можно обосновать тем, что наибольшим охватом аудитории отличаются именно средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть Интернет, на многих сайтах и других ресурсах которой все чаще встречаются материалы, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам национальности, расы, религии, идеологии, политики и т. д.

По данным исследования Е. Лариной и В. Овчинского, количество пользователей сети Интернет в мире по состоянию на декабрь 2013 г. составило 2,7 млрд человек, т. е. 39 % населения Земли, а к 2016 г. ожидается увеличение этой доли до 65—75 %. На сегодняшний день более 55 % населения Российской Федерации пользуется Интернетом, причем в крупных городах это число возрастает до 75 % их жителей [10, с. 7, 8]. Помимо неограниченного числа пользователей, получающих доступ к соответствующей информации, публикуемой в сети Интернет, данная среда привлекает экстремистов относительной анонимностью, дающей иллюзию полной безнаказанности, а также простотой размещения и продолжительностью хранения публикуемых сведений, постоянно находящихся в свободном доступе [11]. Не случайно, что в 42 из 56 изученных нами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 280 и 282 УК РФ, говорилось именно об использовании сети Интернет при совершении соответствующих деяний.

Вместе с тем, несмотря на явное возрастание общественной опасности выделенных преступлений экстремистской направленности при их совершении с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, законодатель отнес данный способ к числу квалифицирующих признаков только в ст. 280 и 280¹, тогда как в ст. 282 УК РФ включил его в содержание объективной стороны основного состава возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства,

наряду с публичностью данных действий. Представляется, что данное обстоятельство свидетельствует об отступлении законодателя от принципа системности права и отсутствии единого подхода к оценке общественной опасности одного и того же способа совершения преступления в различных статьях Особенной части УК РФ. С практической точки зрения, наличие либо отсутствие в ч. 1 ст. 282 УК РФ указания на такие альтернативные способы, как использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, не изменяет квалификацию содеянного как осуществленного публично. То есть дополнение ч. 1 ст. 282 УК РФ данным признаком лишь конкретизировало понятие публичности совершения запрещаемых ею действий и никоим образом не изменило подход к оценке степени общественной опасности совершения последних с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет. Более того, у правоприменителя может возникнуть предположение, что использование указанных средств или сетей при возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства не обязательно должно характеризоваться публичностью, что может обусловить привлечение к уголовной ответственности тех, кто, например, использовал сеть Интернет для частной переписки, что, на наш взгляд, явно противоречит сущности данного уголовно-правового запрета.

Во-вторых, отсутствует единообразие в законодательном определении исследуемого признака, поскольку в ст. 280¹, в отличие от ст. 280 и 282 УК РФ, указываются не только информационно-телекоммуникационные, но еще и электронные сети. Полагаем, что данный момент еще раз говорит об отступлении от принципа системности права.

В-третьих, представляется, что использование в диспозициях выделенных статей Особенной части УК РФ множественного числа для терминов, при помощи которых определяются объективные признаки предусмотренных ими деяний, порождает сомнения, которые не могут быть однозначно разрешены на уровне правоприменения [12]. Как справедливо отметила Н. Ф. Кузнецова, «...во всех статьях УК должно употребляться единственное число имен существительных. Иначе проблему квалификации .... трудно решить» [13].

В контексте исследуемого вопроса выделенная

проблема касается указания на использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (выделено автором), т. е. правоприменителю следует решать вопрос о количестве таких средств и сетей, поскольку буквальное толкование приводит к выводу о необходимости использования виновным как минимум двух средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Представляется, что необходимой степенью общественной опасности обладает использование даже одного средства массовой информации либо информационно-телекоммуникационной сети, что, безусловно, и подразумевал законодатель при внесении соответствующих дополнений в УК РФ, поэтому данные термины целесообразно изложить исключительно в единственном числе.

Таким образом, совершение преступления экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, является типичным и существенным признаком ряда деяний экстремистской направленности, повышающим степень их общественной опасности, что необходимо учесть при законодательном отражении соответствующих составов преступлений. То есть использование таких сетей целесообразно отнести к квалифицирующим признакам всех выделенных составов преступлений. При этом данный квалифицирующий признак следует изложить единообразно, с использованием одних и тех же терминов и единственного числа для их обозначения в тексте уголовного закона.

Список библиографических ссылок

1. Борисов С. В. Интернет-пространство как среда для совершения преступлений экстремистской направленности // Правоохранительная и правозащитная деятельность в России и за рубежом на современном этапе: материалы ежегодной междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. А. А. Галушкин. М.; Рязань, 2013.
2. Ляпунов Ю. И. Общественная опасность как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989.
3. Кулешов Р. В., Варданян А. В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2. С. 151—154.
4. Глазунов В. Ю. Противодействие экстремизму — одна из приоритетных задач полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1. С. 11—16.
5. Канунникова Н. Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 163—168.
6. О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 433-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6998.
7. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2013.
8. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
9. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М., 2007.
10. Ларина Е., Овчинский В. Кибервойны XXI века. Возможности и риски для России или о чем умолчал Эдвард Сноуден. М., 2014.
11. Иванцов С. В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности: моногр. / под ред. С. Я. Лебедева. М., 2012.
12. Алексеева А. П. Деятельность российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4. С. 26—33.
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3385.